

Основной обязанностью Ши Чанфэна в торговом центре было патрулирование, особенно на первом этаже, где наблюдался наибольший поток посетителей. Он улаживал споры и непредвиденные ситуации, иногда помогал переносить вещи. В часы пик он был невероятно занят, а в спокойное время мог поболтать с Цзянь Хуаем.

Когда Цзянь Хуай впервые оказался в торговом центре, он чувствовал себя неловко. До открытия, во время инструктажа руководства и распределения задач, всё было в порядке. Ши Чанфэн и его коллеги стояли в две шеренги, а Цзянь Хуай прислонился к стене, скрестив руки, и холодно наблюдал за ними, выглядевший при этом весьма внушительно.

Но как только двери открылись и появились первые покупатели, Цзянь Хуай незаметно отодвинулся, стараясь избегать тех, кто не мог его видеть, чтобы они не прошли сквозь него.

К полудню посетители уже шли не поодиночке, а целыми толпами, направляясь в основном в фудкорт на верхних этажах, но им приходилось проходить через первый этаж.

Цзянь Хуай, который поначалу уворачивался, постепенно отступил в угол. Его волосы слегка растрепались, и холодная отстранённость, которая была у него ранее, сменилась выражением растерянности и подавленности.

Дело было не в том, что он не хотел избегать толпы — просто в обеденное время людей в торговом центре становилось слишком много. Наплыв посетителей подавлял его. Запахи смешивались, а обострённое обоняние Цзянь Хуая усиливало его тревогу.

Обычные люди стараются избегать столкновений, полагаясь на взаимную осторожность. Только так можно предотвратить столкновения.

Но люди не видели Цзянь Хуая, и ему приходилось полагаться только на собственные силы, уворачиваясь от тех, кто приближался слева, справа или сзади. Иногда кто-то проходил прямо сквозь то место, где он стоял.

Поначалу Цзянь Хуай изо всех сил пытался увернуться от толпы, но в конце концов сдался.

Он нашёл угол, сел на пол, обхватив колени, и прижался к стене. Несколько человек прошли мимо него, и Цзянь Хуай даже не попытался уклониться.

Когда Ши Чанфэн вернулся с провизией, он увидел Цзянь Хуая, сидящего в углу с подбородком на коленях. Его волосы были в беспорядке, а взгляд — пустым. Рядом стоял покупатель, разговаривающий по телефону. Тот ходил туда-сюда и иногда проходил прямо сквозь Цзянь Хуая, который даже не моргнул.

Ши Чанфэн взглянул на камеры наблюдения, затем подошёл и встал рядом с Цзянь Хуаем, перекрыв путь покупателю. Он включил общий канал радиации, и громкие переговоры эхом разнеслись вокруг.

Покупатель, желавший поговорить в тишине, бросил на Ши Чанфэна недовольный взгляд за то, что тот ему мешает, и отошёл к аварийному выходу, чтобы продолжить разговор.

Цзянь Хуай поднял голову, посмотрел на Ши Чанфэна, стоявшего рядом, и снова молча опустил её.

Ши Чанфэн убавил громкость радиации, прикрыл своим телом камеры наблюдения и незаметно передал Цзянь Хуаю бутылку минеральной воды.

— Попей, — тихо сказал он.

Цзянь Хуай взял воду. В тот момент, когда она оказалась в его руках, камеры уже не могли её зафиксировать.

— Спасибо. — Цзянь Хуай сделал глоток. Прохладная вода смягчила пересохшее горло и успокоила его встревоженное сердце.

— Ты голоден? — Ши Чанфэн старался не шевелить губами, задавая вопрос шёпотом.

В восемнадцать лет у Цзянь Хуая был ускоренный метаболизм, и он постоянно хотел есть. К тому же после утреннего напряжения его живот урчал уже довольно долго. Но он не был из тех, кто жалуется или ищет сочувствия. Даже когда был голоден, он лишь слегка кивнул и сказал:

— Немного.

Правила торгового центра запрещали охранникам брать с собой телефоны, но Ши Чанфэн тайно положил свой во внутренний карман униформы и перевёл в беззвучный режим. Учитывая специфику работы «Нулевой Команды», задание могло поступить в любой момент, поэтому телефон должен был быть под рукой 24/7.

Бросив взгляд на камеры, Ши Чанфэн быстро достал телефон и заказал еду, спросив:

— Что хочешь?

— Я не привередлив.

Ши Чанфэн заказал сразу несколько блюд: ланч-боксы, роллы и бургеры. В конце концов, в таком возрасте немного лишнего веса не повредит.

Он выбрал заведения внутри торгового центра, и вскоре заказ доставили. Получив еду, они с Цзянь Хуаем рванули на лестничный пролёт аварийного выхода и в слепой зоне камер Ши Чанфэн передал ему пакет с едой.

В этот момент рация Ши Чанфэна ожила:

— Двадцать восьмой, Ши Чанфэн, где вы?

— Я уже выхожу. Не уходи далеко, старайся оставаться в зоне видимости камер. Так я хотя бы смогу найти тебя по записям, — проинструктировал он.

Сказав это, он быстро выбежал из лестничной клетки и направился на свой пост.

Цзянь Хуай смотрел на его удаляющуюся фигуру, затем сел на ступеньки и принялся за обед.

Лестницей в торговом центре почти не пользовались — большинство предпочитало лифты, поэтому здесь было тихо, и Цзянь Хуаю это нравилось.

Он развернул бургер и откусил, сморщив нос. Цзянь Бохань редко разрешал ему питаться вне дома, предпочитая нанимать повара. Цзянь Хуай почти не пробовал фастфуд, и вкус бургера

ему не понравился.

Отложив недоеденный бургер, он сначала доел роллы, затем ланч-бокс. Потерев живот, он почувствовал, что насытился — две порции было достаточно.

Однако Цзянь Хуай редко оставлял еду недоеденной. Цзянь Бохань всегда учил его не расточительничать, предупреждая, что в будущем может наступить нехватка продовольствия, поэтому нельзя позволять себе плохие привычки.

Нахмурившись, он доел бургер. После такой плотной трапезы ему не хотелось даже двигаться.

Выбросив упаковку в мусорный бак в углу лестничной клетки, он немного походил и увидел сотрудника в костюме медведя, спускавшегося со второго этажа с мешком леденцов.

Цзянь Хуай посторонился, наблюдая, как неуклюжий медведь толкает дверь и выходит в торговый зал.

Цзянь Хуай вспомнил, что, ожидая еду, слышал по рации Ши Чанфэна: сегодня днём на первом этаже будут раздавать бесплатные леденцы в рамках акции для привлечения детей.

Когда медведь выходил, он уронил мятный леденец, который упал на пол и остался лежать. Цзянь Хуай какое-то время смотрел на него, затем наклонился, чтобы поднять, хотя и без особой надежды.

Логически он не должен был иметь возможности прикоснуться к этому леденцу. Цзянь Хуай понимал, что, скорее всего, зря тратит силы.

К его удивлению, кончики пальцев коснулись пластиковой палочки, и он без труда поднял леденец.

— Хм? — Озадаченно разглядывая леденец, он развернул его и откусил.

Освежающий мятный вкус распространился по вкусовым рецепторам — очень приятно,

идеальное завершение обеда.

Но почему он смог дотронуться до этого леденца? Цзянь Хуай был озадачен.

В отсутствие Ши Чанфэна он не мог открыть дверь лестничной клетки. Подождав, пока кто-то другой войдёт, он воспользовался моментом и вышел, чтобы найти Ши Чанфэна и рассказать ему о леденце.

Он направился к игровым автоматам на первом этаже, где мальчик лет трёх-четырёх говорил:

— Папа, я хочу вот этого!

— Хорошо, папа достанет тебе игрушку! — Мужчина лет тридцати закатал рукава, готовый купить десяток попыток.

Цзянь Хуай невольно остановился, наблюдая за отцом и сыном.

После тридцати неудачных попыток молодой отец хлопнул себя по бедру:

— Ещё чуть-чуть! Этот дурацкий автомат специально сделан так, чтобы не давать выиграть!

— Папа, ты бестолковый, — надул губы мальчик, с недоверием глядя на отца.

— Сейчас получится! — Покраснев от азарта, отец купил ещё двадцать попыток, полный решимости уйти с игрушкой.

Цзянь Хуай наблюдал, как он снова и снова терпит неудачу. Мальчику стало скучно, и он начал теревить пуговицы на рубашке. В последней попытке вспотевший отец наконец смог захватить маленькую жёлтую уточку.

— Наконец-то! — Торжествуя, он достал утёнка из лотка, но неловко уронил, и та пару раз подкатилась к ногам Цзянь Хуая.

Цзянь Хуай отступил, с любопытством разглядывая уточку. Хотя он успел отодвинуться, на мгновение ему показалось, что он физически ощутил её.

Отец поднял игрушку, отряхнул и заметил зашитый шов на затылке.

— Почему она ещё и повреждённая? Тридцать попыток, и торговый центр подсовывает брак? — Ворча, он взял сына за руку. — Пойдём к администратору, возьмём нормальную. Они даже не проверяют, что кладут в автоматы.

— Я хочу эту, это та, которую ты мне достал! — Мальчик уцепился за ногу отца.

— Мне тоже нравится та, что я достал, но... — Отец замолчал, уставившись в глаза уточки. Их взгляды встретились, и он медленно произнёс: — Ты прав, неважно, какая она — та, что я достал сам, самая лучшая. Я не буду её менять.

— Пап, дай уточку! — настаивал мальчик.

Отец холодно взглянул на него, игнорируя нетерпеливый взгляд сына.

— Мы пойдём домой... и я дам тебе её потом.

Его голос стал медленнее, а глаза — холоднее. Как бы мальчик ни упрашивал, отец больше не обращал на него внимания.

— Уа-а-а! — Мальчик громко расплакался. — Мама, хочу к маме! Папа плохой!

Его рёв привлёк внимание других посетителей. Отец поспешно подхватил сына, прикрыл ему рот и извиняюще улыбнулся окружающим:

— Простите, ребёнок не понимает.

С этими словами он унёс сына под мышкой, а жёлтую уточку — в другой руке.

Зеваки перешёптывались, в основном отмечая, что отец ведёт себя разумно, не позволяя ребёнку устраивать истерики в общественном месте.

Цзянь Хуай смотрел вслед отцу и сыну, испытывая лёгкую жалость к мальчику. К сожалению, он ничего не мог сделать — его слова и действия не достигали того отца.

Немного помедлив, Цзянь Хуай продолжил искать Ши Чанфэна.

Наконец он нашёл его разбирающимся с конфликтом в одном из магазинов.

Продавщица утверждала, что покупательница ударила её без причины. Они никогда раньше не встречались, продавщица вежливо представила товар, подбирала подходящие фразы и точно не оскорбляла клиентку. Когда она повернулась, чтобы достать выбранное платье, её ударили.

От неожиданности продавщица споткнулась и упала. Падая, она зацепилась за сумку покупательницы, порвав дорогое платье стоимостью в несколько тысяч, которое теперь невозможно продать.

Естественно, продавщица не могла одна нести такие убытки, поэтому вызвала охрану, чтобы разобраться с покупательницей.

Выслушав обе стороны, Ши Чанфэн услышал от покупательницы, что она ничего не делала — просто стояла за спиной продавщицы, ожидая, когда та достанет платье. Продавщица сама споткнулась и испортила товар, а теперь пытается переложить вину.

Каждая стояла на своём, и Ши Чанфэн немедленно вмешался, приказав проверить записи с камер наблюдения.

Конфликт произошёл прямо под камерой, поэтому просмотр записи должен был всё прояснить.

Продавщица зло ждала результатов, а покупательница стояла на своём, твёрдо отрицая, что кого-то била.

Ши Чанфэн заметил, что на щеке продавщицы действительно есть лёгкое покраснение — явный след удара, который вряд ли можно было подделать.

Пока ждали записи, вокруг начала собираться толпа. Открытая планировка торгового центра позволяла всем прохожим видеть происходящее, а некоторые даже поднимали телефоны, чтобы заснять симпатичного охранника.

Когда Цзянь Хуай подошёл, его загородила толпа. Пробившись сквозь неё, он наконец добрался до Ши Чанфэна.

Тот жестом велел ему подождать, а в рации уже сообщили результаты: запись чётко показала, что покупательница не била продавщицу — та упала сама.

Когда продавщица приблизилась с платьем, покупательница держала в руках розовую игрушечную свинью, поэтому физически не могла ударить.

Услышав это, продавщица разрыдалась от несправедливости. Она точно помнила удар — её щека до сих пор болела! Почему же на записи ничего не было? Она не могла оплатить такое дорогое платье и не собиралась брать вину на себя.

Покупательница, чувствуя победу, гордо заявила:

— Я же говорила, что никого не била. Нельзя просто так перекладывать на меня свою вину.

С этими словами она сжала в руках розовую свинку и вышла из магазина.

Толпа начала расходиться, но события дня, скорее всего, попадут в интернет под хештегом #ПродавщицаИспортилаТоварОбвинилаПокупательницу.

Ши Чанфэн вздохнул и попытался утешить продавщицу, но та огрызнулась:

— Да вы, охранники, слепые! И камеры ваши никуда не годятся!

Потерев нос, Ши Чанфэн увёл Цзянь Хуая из магазина. Оглядевшись — кругом были камеры —

он затащил его в туалет, где Цзянь Хуай инстинктивно зажал нос.

— Что-то не так? — Ши Чанфэн вспомнил, что Цзянь Хуай хотел что-то сказать.

Цзянь Хуай поднял леденец и спросил:

— Мог ли я дотронуться до этого леденца?

— Это подарок промо-акции торгового центра. Каждый посетитель имеет право получить один.

Исходя из этого, Цзянь Хуай действительно мог взять леденец. Условием было то, что он должен быть невостребованным, доступным для всех в торговом центре. Находясь внутри, Цзянь Хуай имел полное право взять его.

— Так ли это? — Цзянь Хуай вертел леденец в пальцах, чувствуя, что сегодня что-то не так.

— Скорее всего, да. Так же, как и торговый центр — общественное место, поэтому ты смог войти. Туалет — бесплатное общественное удобство, так что ты можешь им пользоваться, — Ши Чанфэн указал на кнопку смыва.

Цзянь Хуай нажал её и действительно смог прикоснуться.

— Если бы ты не мог взаимодействовать с общественными объектами, ты бы провалился с первого этажа в подземную парковку и падал бы бесконечно, — объяснил Ши Чанфэн. — Полагаю, этот леденец такой же, как и другие общедоступные вещи: пол, лестницы, водопроводные краны.

— Понятно, — кивнул Цзянь Хуай. — Но разве это не будет похоже на историю о привидениях? Туалет сам по себе смывает?

— Нет. Объективная материя, к которой ты прикасаешься, ассимилируется, временно становясь невидимой для других. Например, если ты моешь руки под сенсорным краном, другие не увидят текущей воды. Только субъективное взаимодействие с тобой будет заметно.

Например, мой разговор с тобой сейчас для окружающих звучит как монолог.

Получив ответы, Цзянь Хуай успокоился. Он вышел из туалета и продолжил наблюдать за людьми в торговом центре.

Его интересовал этот новый мир — в старом он редко мог наслаждаться жизнью как обычный человек. Постепенно преодолевая страх перед толпой, он бродил по торговому центру в одиночестве.

Дойдя до третьего выхода на первом этаже, он увидел, как медведь-талисман раздаёт леденцы входящим посетителям. Некоторые брали, другие проходили мимо.

Многие дети обнимали медведя за ноги, поднимая леденцы для фото.

Медведь казался очень терпеливым: поиграв с детьми, он продолжал раздавать конфеты.

Цзянь Хуай подошёл, взял мятный леденец из мешка и сказал:

— Я возьму один, спасибо.

— Не за что, — ответил медведь.

Цзянь Хуай замер, оглядывая медведя и замечая повреждение на его руке, зашитое коричневой ниткой.

В этот момент родитель ребёнка потянул своё чадо к медведю:

— Мой ребёнок такой непоседа, спасибо, что поиграли с ним.

— Не за что, — ответил медведь.

Цзянь Хуай развернулся, развернул леденец и начал есть. За его спиной медведь тихо наблюдал.

В этот день Лан Хао Янь взял сына Лан Нао Нао в торговый центр. Мальчик хотел, чтобы отец выиграл ему игрушку. Лан Хао Янь попытался тридцать раз, прежде чем наконец выиграл жёлтую уточку с видимыми швами. Нао Нао требовал игрушку, но отец отказался, зажал ему рот и поспешил домой.

Дома Нао Нао побежал к матери, занятой домашними делами, и заревел:

— Папа обидел меня, уа-а-а...

Мать Нао Нао вздохнула:

— Почему так рано вернулись? Я же просила дать ребёнку поиграть подольше.

— Я немного устал, — сказал Лан Хао Янь.

— Что это у тебя? — спросила мать.

— Моя уточка, уа-а-а! — Увидев, что мать интересуется игрушкой, Нао Нао расплакался ещё сильнее. Её же обещали ему.

— Что это за игрушка, из-за которой ты ссоришься с сыном?

— Я устал, пойду спать, — Лан Хао Янь уставился на жену неподвижным, безжизненным взглядом.

Мать Нао Нао вздрогнула и инстинктивно поняла, что лучше не злить его.

— Не плачь, я приготовлю тебе что-нибудь вкусное.

Дети быстро забывают: перспектива лакомства заставила его успокоиться. Он вытер слёзы и пошёл с матерью на кухню.

Лан Хао Янь прошёл в спальню, где на кровати лежал трёхцветный кот. Увидев хозяина, он спокойно поднялся и медленно приблизился.

Лан Хао Янь протянул руку, чтобы погладить мягкую шерсть. Кот поднял голову, понюхал палец, внезапно взвизгнул и спрыгнул с кровати, выбежав из спальни.

Лан Хао Янь не стал его преследовать. Он снял пиджак, обнял жёлтую уточку и лёг спать.

Кот прибежал на кухню и нервно стал тереться о хозяйку.

— Какой сегодня ласковый, — мать Нао Нао дала сыну печенье и взяла кота на руки, глядя его шерсть.

Кот был необычайно покорен, постоянно тыкался в хозяйку, даже когда Нао Нао дёргал его за хвост. Большая золотая рыбка в гостиной всегда была потенциальной добычей кота, который обычно пристально за ней наблюдал. Но сегодня, даже когда мать поднесла его к аквариуму, кот не проявил интереса.

К ужину Лан Хао Янь так и не вышел из спальни. Мать проверила его, измерила температуру и, убедившись, что всё в порядке, решила, что он просто устал, и не стала его будить.

В девять вечера, чтобы не беспокоить мужа и успокоить беспокойного сына, мать Нао Нао осталась в гостевой комнате, убаюкивая его.

Вскоре она тоже уснула. Около половины одиннадцатого её разбудило кошачье мяуканье.

— Кот же кастрирован, чего это он орет среди ночи? — натянув тапочки, она вышла из комнаты и увидела кого-то на кухне. Свет был выключен, в темноте невозможно было разглядеть, кто это.

— Муж? — позвала она.

Жевательные звуки и капающая вода заглушили кошачьи крики.

— Дорогой, ты голоден? Я принесу тебе поесть, — женщина включила свет.

Яркий свет заставил её прикрыть глаза. Сквозь пальцы она увидела, как Лан Хао Янь держит золотую рыбку из гостиницы, с рыбьей чешуёй на губах, а раненый трёхцветный кот лежит у его ног.

Нао Нао крепко спал, но всю ночь ему снились кошмары: он слышал, как мяукает кот и плачет мама.

Он протёр глаза, позвал:

— Мама! — и, спотыкаясь, пошёл в туалет.

Открыв дверь, он увидел, как отец прижимает мать к полу. Глаза Нао Нао расширились, и он пробормотал:

— Я ничего не видел, — но всё равно подглядывал за родителями.

— Нао Нао, беги! — Мать, с лицом в крови, нашла в себе силы оттолкнуть внезапно могучего мужа, схватила декоративную вазу и разбила её о его голову, затем подхватила сына и бросилась к двери.

Дверь была заперта. Дрожащими руками мать возилась с замком, давая Лан Хао Яню время схватить её за лодыжку.

— А-а-а! — закричала она, отчаянно пиная ногой. — Помогите!

Кот с криком «Мяу-у-у!» вцепился когтями в руку Лан Хао Яня.

Тот вскрикнул от боли и разжал хватку, позволив матери Нао Нао открыть дверь и выбежать с сыном. Кот ловко последовал за ними, хромя на заднюю лапу, но это не мешало ему бежать.

Они жили в высотке. В панике мать вбежала в лифт. Лан Хао Янь не преследовал их. В спешке она забыла телефон, но воспользовалась экстренной связью в лифте, чтобы позвонить в управляющую компанию. К счастью, кто-то ответил.

— Мой муж внезапно сошёл с ума. Пожалуйста, вызовите полицию! Помогите!

Её лицо было в крови. Даже если это было бытовое насилие, услышав её крики, управляющая компания немедленно отправила охрану на их этаж.

Лифт спустился на первый этаж. Мать Нао Нао побежала к офису управляющей компании, Лан Хао Янь — по пятам. Его сила и скорость были невероятными: он быстро настигал их.

К счастью, появились несколько охранников и попытались остановить Лан Хао Яня, но он выхватил у одного дубинку. Его сила была подавляющей; их оружие оказалось бесполезным.

Нао Нао беспомощно плакал. Увидев, как мужчина несколькими ударами сбивает охранников с ног, мать продолжала бежать босиком.

Она больше не чувствовала боли в ногах. Шаги мужа звучали всё ближе, поэтому она поставила ребёнка на землю и крикнула:

— Беги в торговый центр! Там должны быть охранники!

Она осталась сражаться с Лан Хао Янем, но вскоре была оглушена и брошена на обочине.

Торговый центр закрывался в десять вечера, но у персонала ещё оставались дела. Ши Чанфэн только закончил уборку и собирался отвезти Цзянь Хуая домой, когда рация напомнила о недоделанных задачах.

Ши Чанфэн велел Цзянь Хуаю ждать у машины и вернулся наверх.

Цзянь Хуай закрыл глаза у машины, чувствуя усталость после дня, проведённого среди множества людей.

Издали донёсся слабый звук кошачьего мяуканья и детского плача. Слух у Цзянь Хуая был острее, чем у обычного человека. Он услышал слегка знакомый детский голос:

— Папа, не бей меня...

Сжав кулаки и стиснув зубы, Цзянь Хуай бросился на звук.

Он двигался с невероятной скоростью, словно чёрная пантера в лунном свете. За несколько шагов он преодолел несколько сотен метров и увидел ребёнка, покрытого ссадинами, выползающего из зелёной зоны, за которым гнался взрослый. К счастью, чёрно-белый кот прыгал вокруг, преграждая путь.

Скорость взрослого была невероятной: он ударил кота в живот, и тот с визгом отлетел в кусты.

Как только Лан Хао Янь почти схватил Нао Нао, Цзянь Хуай вмешался, сильно ударив его по лицу.

Он действительно попал в Лан Хао Яня. Цзянь Хуай ошеломлённо смотрел на свой кулак.

— Мы одинаковые. Почему ты напал на меня? Разве мы не друзья? — Лан Хао Янь прикрыл лицо и заговорил с Цзянь Хуаем.

— Почему ты меня видишь? — спокойно спросил Цзянь Хуай.

Лан Хао Янь зловеще рассмеялся:

— Ты правда думаешь, что сможешь победить?

С этими словами он бросился на Цзянь Хуая, но тот не уклонился, а нанёс удар ногой.

Однако Цзянь Хуай промахнулся. Лан Хао Янь стал как все остальные люди — прошёл сквозь него.

Цзянь Хуай пошатнулся, видя, как Лан Хао Янь безжалостно преследует травмированного ребёнка, но не может до него дотронуться.

Почему он смог ударить его раньше, но не сейчас? Цзянь Хуай был озадачен, но Лан Хао Янь уже схватил Нао Нао и занёс руку для сильного удара.

Этот удар мог вызвать у ребёнка сотрясение мозга. Цзянь Хуай не мог ждать. В отчаянии он пнул Лан Хао Яня в спину — на этот раз попал.

— Угх! — Лан Хао Янь выплюнул кровь. — Я забыл отпустить контроль над телом.

— Папа, папа, не бей меня... — Нао Нао плакал в отчаянии.

Папа? Цзянь Хуай посмотрел на Лан Хао Яня, и его мысли заработали на полную мощность.

Тот утверждал, что они одинаковы, казалось, был из другого мира, но не изолирован от этого. Он мог атаковать обычных людей, а ребёнок называл его «папой».

Цзянь Хуай слышал много городских легенд за год в больнице, включая истории о вселении духов.

Он сразу понял: тело изначально принадлежало кому-то из этого мира — отцу ребёнка — но было захвачено духом из другого мира!

Таким образом, когда потусторонний дух контролировал тело, его измерение совпадало с измерением Цзянь Хуая, позволяя тому атаковать. Но когда дух отпускал контроль, Цзянь Хуай больше не мог до него дотронуться.

Таким образом, противник мог легко атаковать, затем отпускать контроль, и тело продолжало атаку по инерции.

Даже если Цзянь Хуай ловил момент атаки, пострадал бы только владелец тела — отец ребёнка; сам дух мог остаться невредимым.

Что делать?

Цзянь Хуай наблюдал, как Лан Хао Янь безжалостно набрасывается на ребёнка, и вдруг почувствовал жжение у пояса. Он потянулся и нащупал остаточный предмет А-088 — кинжал.

Кинжал мог вызывать самые глубокие страхи человека; это было оружие ментальной атаки. Пока Цзянь Хуай держал его, он вместе с кинжалом отвергался этим миром и не мог никому здесь навредить.

Так что...

Цзянь Хуай схватил кинжал, вытянул руку и пошёл к Лан Хао Яню.

Тот, зная, что Цзянь Хуай не даст ему продолжить атаковать Нао Нао, встретил его лицом к лицу. Увидев кинжал, он злобно ухмыльнулся.

Лан Хао Янь развёл руки, дразня:

— Давай, дружище, посмотрим, сможешь ли ты попасть в меня.

Он был духом; мог сбежать в любой момент. Он хотел, чтобы Цзянь Хуай убил тело Лан Хао Яня, вынудив его стать их союзником.

Цзянь Хуай медленно, но быстро поднял руку. Он ударил Лан Хао Яня по руке, заставив того вскрикнуть от боли. Тот схватился за руку, говоря:

— Ха-ха-ха, ты можешь ранить только это тело.

— Кто сказал, что я ранил этого человека? — Пальцы Цзянь Хуая дёрнулись, и серебряный кинжал заплясал в его ладони, как бабочка.

— Что? — На руке Лан Хао Яня не было ран, но почему же так больно? Боль чувствовал дух, вселившийся в тело!

— Кажется, это работает, — тихо усмехнулся Цзянь Хуай.

Серебряная вспышка рассекла ночное небо. Цзянь Хуай, крепко сжимая кинжал, ударил Лан Хао Яня по шее. На теле не осталось следов, но дух внутри потерял контроль. Он повернулся к Цзянь Хуаю, губы шевелились:

— Ты...

Не договорив, он тяжело рухнул.

Цзянь Хуай покрутил кинжал, прошептал:

— Спасибо, Цзянь Бохань.

Он спрятал кинжал, взглянул на выжившего Нао Нао и молча ушёл.

Через некоторое время мать Нао Нао, поддерживаемая полицейским, прихрамывая подошла и увидела сына травмированным, но живым. Хромающий трёхцветный кот тоже подошёл, тычась головой в Нао Нао.

— Мальчик, ты в порядке? — Офицер поднял ребёнка, забрав его у измученной матери.

Нао Нао уставился в одну точку, постоянно касаясь правой брови, глядя её снова и снова.

— Здесь болит? — Полицейский проверил лоб и глаза мальчика, но не нашёл повреждений.

— Нет, — Нао Нао тревожно трогал бровь, его голос был хриплым. — Здесь... старший брат!